

РЕЦЕНЗИИ

С. В. Дамберг, В. Е. Семенков

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭЛИТЫ КАК СИМПТОМ УПАТЫ ЭЛИТАРНОСТИ *

Любое исследование творческих практик в их элитарном варианте — вещь перспективная и комфортная. Перспективна она в том плане, что любой взвешенный и аргументированный разговор о «высоких материях и сферах» сам по себе уже приобщает к ним автора исследования. (Во всяком случае такие представления у автора легко возникают). Исследование элиты — вещь комфортная хотя бы по тому, что исследователь (особенно, если он «в степени») чувствует себя в этом материале очень уверенно, так как он сам «один из них», и уже поэтому ему легко начать разговор — он уверен, что не промахнется в выборе предмета исследования.

Но все научные исследования требуют метода и методик. Все они предполагают если не наличие процедуры верификации, то хотя бы формально логическое обоснование своих положений. И самое главное: все научные исследования, осуществляемые в поле, и исследование элиты тут не исключение, предполагают демонстрацию дескриптивного материала. А это требует изначальной методологической проработки вопроса. Последнее происходит не всегда.

Исследовательский проект «Исследование интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга» был осуществлен в 1992–1993 гг. междисциплинарной группой в количестве свыше 20 человек под руководством доктора философских наук С. А. Кутеля. По сути дела это первая, существенная по замыслу работа об интеллектуальной элите Санкт-Петербурга. Хотя еще в Ленинграде шли социолого-наукоеведческие исследования научных кадров, в этой работе, как пишут авторы, предпринята первая попытка «комплексного междисциплинарного исследования интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга, ориентированная на разработку методов выявления, механизмов формирования, истории становления, условий сохранения интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга» (ч. 1, с. 5).

Результаты данного исследования представлены в трех небольших брошюрах (первая — 168 с., вторая — 115 с., третья — 92 с.), каждая из которых разбита на два раздела. Так, в первой один раздел обозначен как «Социолого-наукоеведческий анализ интеллектуальной элиты», другой — «Исторические очерки». Во второй один раздел — «Общие проблемы изучения интеллектуальной элиты», другой — «Социальные факторы творческой деятельности и формирования интеллектуальной элиты». В третьей — один раздел «Научные школы Санкт-Петербурга-Ленинграда».

И. А. Майзель в параграфе «Элита как социологическая категория» дает деление элитарных групп на элиту «официально признанную на партийно-го-

* Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 1. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1993; Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2, кн. 1 / Под ред. С. А. Кутеля. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994; Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. Ч. 2, кн. 2. СПб.: Изд-во СПбУЭФ, 1994.

сударственном уровне» и «неформальную элиту» (ч. 1, с. 12). Первый тип элиты оспаривается автором в своей легитимности, и лишь второй рассматривается как подлинная, истинная, легитимная элита.

В следующей концептуально выдержанной статье «Интеллектуальная элита в структуре научного сообщества» И. А. Майзель, С. А. Кугель, А. С. Кармин указывают на следующие предпосылки для интеграции в интеллектуальную элиту: «выдающиеся способности», «везение» и «соблюдение этоса науки» (ч. 2, с. 17, 18). «Только те индивиды и группы, которые соответствуют требованиям этоса, получают должную поддержку со стороны общества. <...> В этом плане этос выступает как механизм отбора участников научного освоения мира, а следовательно, и потенциальных членов элиты. Тот, кто не прошел через фильтр норм этоса, не получил «пропуск» в науку, тот, естественно, не может рассчитывать на приобщение к элите научного сообщества» (ч. 1, с. 18). Эта же группа авторов, группа, безусловно, выступившая в роли идеологов-организаторов всей работы, отмечает, что научная элита является внутренне иерархичной, многослойной, структурированной группой, «условно говоря, по горизонтали и вертикали» (ч. 1, с. 19). «Горизонтальный срез выявляет группы, различающиеся ... по ориентации на те или иные функции в научной сфере — творчество и управление, тогда как вертикальный срез обнаруживает степень развития <...> способностей, <...> без которых в ряды элиты доступ просто закрыт» (ч. 1, с. 19). Отметим, что везение и соблюдение этоса науки (правил поведения в научном сообществе) уже не упоминаются.

Подчеркивая, что научная элита формируется по принципу «самокомплектования», они указывают на необходимость ввода механизма, выполняющего обратный отбор, то есть удаление из элитной группы худших ее членов. Именно конструирование этого механизма рассматривается как наиболее значимая и перспективная задача.

И, наконец, укажем на статью «Интеллектуальная элита: структура и функция» С. А. Кугеля. В ней он выражает несогласие с разведением понятий «интеллектуальная элита» и «научная элита»: «На первый взгляд, понятие "интеллектуальная элита" шире, чем научная элита. Второе представляется частью первого, хотя и исключительно важной, стержневой. При углубленном структурном подходе выясняется, что связи этих понятий сложнее, многограннее» (ч. 2, кн. 1, с. 5). Смеем сказать, что далее автор не поясняет этого тезиса и по сути дела рассматривает понятия «интеллектуальная элита» и понятие «научная элита» как тождественные. При таком подходе анализ интеллектуальной элиты подменяется автором анализом научной элиты.

Эти три небольших по объему работы, выполненные в рамках заявленного исследования, по разному выражают одну и ту же озабоченность авторов: недостаточный уровень организации отечественных ученых, неадекватность их рефлексии по поводу своей значимости. Вот что пишет уже упомянутый С. А. Кугель: «В отличие от Запада, российская элита атомизирована, многие выдающиеся не осознают своей принадлежности к интеллектуальной элите как социальной группе и своей мессианской роли» [разрядка наша. — Авт.] (ч. 2, кн. 1, с. 13). Тут можно остановиться на изложении позиций авторов сборника и попытаться осмыслить, что все это может означать.

Первый вопрос, который возникает по прочтении этой работы, — на каком основании авторы данного сборника рассматривают в виде интеллектуальной

элиты профессиональное сообщество ученых, иначе говоря, почему интеллектуальная элита — это непременно ученые? Да, на уровне *обыденного* сознания есть представления об элитарности научного сообщества, но эти представления не инвестируются в практику. Если бы такое было, то мы бы могли говорить об особой позиции ученого в публичном пространстве, позиции, обеспечивающей реальное, а не декларируемое признание в публичном пространстве, а не только в пространстве своей профессиональной корпорации. Целесообразно отметить, что элита — это такое сообщество, где каждый ее член имеет свой особый и гарантированный доступ к публичному дискурсу и в силу этого элитарен не он сам, а его сообщение. Любое сообщение, когда оно становится новостным событием, то есть начинает само порождать дискурс, может рассматриваться как сообщение элитарное. И человек, способный производить такие сообщения, есть человек элиты. Сказать, что сообщения ученых, и уж особенно ученых-физиков, сегодня становятся новостными событиями, нельзя. Мы специально обратили внимание на ученых естественников, ибо данное исследование рассматривает научное сообщество исключительно как сообщество ученых-естественников. Очевидно, для авторов данной работы они занимают или должны занимать высшие места в научном сообществе. Это в высшей степени сомнительно при взгляде на сегодняшнюю социокультурную ситуацию, ибо никто не может сказать, что сообщения самой корпорации ученых-естественников «у всех на слуху».

Мало того, авторы сборника, отождествляя профессиональное научное сообщество с элитой, по сути дела заявляют о наличии целой корпорации, выступающей как субъект, владеющий символическим капиталом. Но символический капитал всегда персонален, а, значит, способ прохождения в элиту может быть только индивидуальным. Мало того, когда ученый проходит в элиту, то есть его сообщение становится социально, а не корпоративно значимым, он перестает восприниматься обществом как ученый, а рассматривается уже как личность. Так происходит, потому что субъект публичного дискурса выступает как единая целостность и его отдельные (в том числе профессиональные) параметры имеют частное значение, и для публики эти параметры случайны. Эти профессиональные параметры могут восприниматься лишь как повод для привлечения к себе внимания публики и по достижении этого они уже мало значимы: Мстислава Ростроповича *сейчас* воспринимают не как виолончелиста, а как человека, играющего определенную роль в публичном пространстве, и эта роль никак уже не связана с его профессией. С таким же успехом Ростропович мог *сейчас* играть не на виолончели, а на барабанах.

Авторы анализируемой работы допустили методическую ошибку, пытаясь вести разговор об элите, отталкиваясь от определенных — научных — профессиональных практик. Последние ими рассматриваются как элитарные на том, очевидно, основании, что раньше именно так и было: элита в индустриальном обществе формировалась именно из научного сообщества. Представляется, что сначала надо было зафиксировать саму элиту («а был ли мальчик?»), а уже потом выделять в ней различные творческие практики и говорить о способах попадания в элиту. Думается, здесь важно подчеркнуть, что элита — не веберовский идеальный тип, и что, во всяком случае, под элитой должно пониматься нечто «существующее», то есть принимаемое *обыденным*

сознанием как очевидность. Более того, эта априорная очевидность едина и целостна. Обыденное сознание не разлагает ее по отдельным параметрам на интеллектуальную, политическую или спортивную. И если эта очевидность становится предметом исследования, то первая задача исследователя — определить способ обнаружения элиты, то есть того, что же является таковой для данного общества.

Можно отметить, что те, о ком пишут участники сборника, должны определяться несколько иначе, чем элита. Элита, а речь, строго говоря, как было показано выше, может идти только об элите вообще, а не о какой-то интеллектуальной элите, это те люди, которые получили признание в публичном, а не корпоративном пространстве, элита — это те, кто нравится *другим*. Авторы сборника пишут не о тех, кто нравится другим, а о тех, кто нравится *им самим*, а им нравятся физики-ядерщики. В таком случае речь идет не об элите, а о кумирах.

Заметим, что все исследование построено именно как рассуждение о кумире — то есть обсуждаемый объект определен сугубо авторским произволом. Такого произвола, действительно, достаточно, если перед нами некая критика, анализ того, кто нравится или не нравится самому автору. В этом смысле такому разговору о кумире противостоит разговор об элите — объективно существующем феномене, который также имеет оценочную природу, но оценка сделана не автором анализа, а неким «третейским судьей» — публикой. Иными словами, разговор об элите без объяснения механизма выбора объекта превращается в свою противоположность — в разговор о кумире. А это уже иной жанр, невозможный для науки.

По сути дела авторы пишут не об элите, а профессиональном сообществе и способах интеграции в него. Последнее достойно внимания: исследование интеллектуальной элиты начинается по существу не с постановки проблемы и даже не с хрестоматийных вопросов, а сразу с определения того, что интеллектуальная элита это именно ученые. Именно это не позволяет определить проведенное исследование как полноценное социологическое исследование, ибо последнее предполагает использование методов и методик интерпретации полученных результатов, то есть перевод собранных результатов в дескриптивный и концептуальный материал. А это как раз не происходит. Что представляют собой статьи Х. Закермана о нобелевских лауреатах, О. М. Зусьмана о библиометрическом анализе научной элиты Санкт-Петербурга, В. М. Ломовицкой о механизмах формирования и сохранения интеллектуальной элиты и особенно исторические очерки о научных школах Санкт-Петербурга как не рекомендации рецептов по интеграции в элиту?

Это особенно видно в статье А. П. Ляликова и О. А. Скепко «Средняя школа как первоисточник элиты». Авторы статьи, следуя исходному тезису о научном сообществе как интеллектуальной элите, не делают различия между понятиями «элитная школа» и «школа со специальным уклоном», рассматривая последнюю как питомник будущей интеллектуальной элиты. Стоит, однако, заметить, что элитная школа — это школа, где учатся дети элитарных родителей, и видят они своих детей в будущем дипломатами, политиками, бизнесменами, а не учеными. В свою очередь, спецшкола — это школа, где учатся одаренные дети, будущее которых лишь традиционно связывается с наукой.

Обратим внимание на такой любопытный факт: Санкт-Петербург, заявленный в названии, практически исчез в самом исследовании. Возникает ощущение, что авторов интересовала отнюдь не петербургская элита, а элита вообще — но на примере Санкт-Петербурга. Такая процедура — обсуждение «на примере» — вполне уместна, когда речь идет об идеальном типе, и не столь важно, в каких реалиях его наблюдать. Между тем, Санкт-Петербург, действительно, имеет свою элиту. Не интеллектуальную, разумеется, а одну единственную, но реально существующую в сознании петербуржцев. Следуя логике авторов, следовало бы, видимо, начать ее поиски с Санкт-Петербургского государственного университета, и если им было бы угодно, с физического факультета. Но авторы, очевидно, заранее интуитивно предполагали, что, мягко говоря, попадут «в молоко». И поэтому предмет исследования пришлось превратить в собственный исследовательский конструкт, а современная петербургская элита осталась без внимания.

Показательно, что подобные исследования стали выходить именно в конце XX в., в 1990-е гг. По сути, перед нами симптом неудовлетворенности научным сообществом своим нынешним положением в обществе: утратой элитарных позиций. Оно видит, что публичное пространство организуется теперь не учеными-естественниками, а фигурами, не имеющими отношения к науке, как-то: политики, менеджеры, артисты. Выходом для авторов сборника является не осмысление социальных запросов в отношении высшей школы (кого готовить? Им ясно кого: ученых!), а повышение уровня организации научного сообщества («сплотим ряды!»). Очевидно, они исходят из того, что раньше элита была представлена прежде всего учеными. А значит и сейчас вузы, а уж тем более Санкт-Петербургский государственный университет («особо ценный объект»), призваны готовить именно их. Тот *факт*, что упомянутый «особо ценный объект» — Санкт-Петербургский университет по-прежнему, по преимуществу, готовит ученых, а его выпускники в науку не идут и учеными быть не хотят, их нестораживает — «всеохватывающий кризис» виноват. Так теперь находят стрелочника.

Резюмируя, сформулируем дилемму, стоящую перед отечественными вузами: либо расстаться с желанием элитарности, либо признать, что в обществе сейчас спрос на иные виды интеллектуальной деятельности, нежели наука, и перестать готовить ученых.

Р. С. В телевизионной передаче «Умники и умницы» нам демонстрируют эрудированную и симпатичную молодежь, стремящуюся, через участие в этой передаче, не в вузы, где «учат на ученого», а в МГИМО — вуз, готовящий дипломатов. Умники и умницы понимают: *Hic locus, hic saltus!* (Здесь место, тут начинай!).